

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДАННЫМИ ЯЗЫКА ФОЛЬКЛОРА

Т.С. Соколова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

В статье исследуется в сопоставительном аспекте коллекторий фольклорных номинаций с семантикой «пространственных» вербальных реакций как сведений ассоциативного эксперимента. Содержание ассоциативных полей позволяет показать, что фольклорный вербальный код является традиционной этнокультурной составляющей в современном осознании априорной категории бытия.

Ключевые слова: фольклорная номинация, вербальная реакция, ассоциативный эксперимент, этнокультурная информация.

Введение

Исторически сложившиеся этнические традиции в адаптации и познании действительности и ценностной ориентации в ней обнаруживаются и особо репрезентируются фольклорным вербальным кодом. В связи с этим изучение философии устно-поэтического слова, т. е. его концептуального содержания в контексте этнической культуры является актуальной проблемой. В современных изысканиях относительно языка фольклора как источника этнокультурной информации высказываются лишь замечания, обусловленные иными исследовательскими задачами. Так, К. Касьянова главными носителями этнического начала в любом народе признает, например, религию и фольклор или [1, с. 74]. В работе «Национальное самосознание русских» З. В. Сикевич отмечает, что «...этностереотипы, прямо или косвенно передаваемые в ходе этнокультурной трансмиссии, наиболее явственно обнаруживаются в языке, и в частности в фольклоре» [2, с. 97]. Приведённые замечания и мн. др. в литературе вопроса, несомненно, ценны, но редко или совсем не подкрепляются эмпирическим материалом из разножанровых фольклорных текстов. Полагаем, что эмпирика – это не «пролог», не «предисловие», но уже сама наука, позволяющая выстроить ход наблюдений с целью выявления закономерностей, которые становятся исследовательскими результатами, определяющими в свою очередь формирование научных убеждений.

Теоретические предпосылки

В данной работе мы руководствуемся концепцией, позволяющей расценивать фольклорный язык как источник антропо- и этнокультурной информации, специфически объективированной в жанровых версиях базовых концептов, которые модулируют «сердцевину» языковой картины фольклорного мира. В рамках рассматриваемой проблемы следует иметь в виду ряд её узловых моментов:

1. Язык фольклора мы определяем как социолингвистическую категорию, исторически меняющуюся во времени. В этом плане поддерживающим основанием предстает высказывание В.Я. Проппа: «генетически фольклор... сближаем **не с литературой, а с языком**, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия» [3, с. 138]. Лингвистическую важность приведённого высказывания дополним уточнением, что именно фольклорный текстовый континуум свидетельствует, что в древности слова язык и народ были едиными;

2. При работе над коллекторием эмпирической базы следует держать в поле зрения корреляты понятий фольклорный язык – нефольклорный язык, которые во времени постоянно находятся в динамической координации. Язык фольклора соотносится с нефольклорным языком в разных аспектах. И. А. Осовецкий, известный лексиколог, диалектолог, лингвофольклорист, в своей работе, которую мы признаем программной и в современной лингвофольклористике, подчеркивает: «Прежде всего, это соотношение языка

фольклора с общенародным языком, под которым понимается весь русский язык в целом, как литературный, так и русские народные говоры» [4, с. 68];

3. Мы также принимаем во внимание положение, что русский язык как полевая система включает не только литературный язык, говоры, но и просторечие, жаргоны, идиолекты (речь индивида как языковой личности). В соответствии с этой парадигмой, по утверждению Н. И. Толстого, формируются функциональные пятичленные парадигмы словесности и культуры. Содержание национального самосознания, по замечанию ученого, определяется религиозной, общеплеменной, народной, местной, государственной принадлежностью индивида как субъекта самосознания [5, с. 140]. Приведённое положение для нас существенно в плане наблюдения над ассоциативными реакциями, обусловленными фольклорными номинациями-стимулами. Характер вербального реагирования, считаем, зависит как от объема знаний, кругозора языковой личности, ее социального статуса, профессиональной, возрастной категории и др., так и от особенностей идиолекта, которые определяются степенью языковой компетенции и речевой культуры (или субкультуры) в рамках парадигмы русского языка;

4. При лингвокогнитивном изучении языка фольклора эмпирическая база, по нашему мнению, должна состоять из сопоставляемых комплексов языковых фактов. Прежде всего, это фольклорный номинационный потенциал разножанровых устно-поэтических произведений. Обязательной частью эмпирического материала является субстрат языковых данных из индивидуально-авторских текстов, из разговорной речи, из диалектов. Особый фон образуют ассоциаты-реакции на фольклорные стимулы. Сопоставление языковых комплексов более наглядно иллюстрирует корреспонденцию коррелятов фольклорный язык – нефольклорный язык при выявлении фольклорных концептуальных признаков.

Экспериментальная часть

Цель наших наблюдений заключается в следующем. Мы обращаемся к той «клеточке» в «периодической таблице» взаимодействия языковых единиц, в которой сквозь призму ассоциативных показателей необходимо проследить, как «высвечивается» предзнаменность ключевых фольклорных реалий для репрезентации базовых концептов. Выявление системы концептуальных дескрипторов позволит определить показатель степени сохранности этнокультурных традиций, сквозь «сетку координат» которых каждый этнос строит в коллективном сознании свой образ мира. Языковым материалом для проведения эксперимента явились общежанровые номинации-стимулы, которые в фольклорном текстовом континууме обозначают «ландшафтный» тип пространства. Фольклорные стимулы были предложены 38 респондентам, проживающим в городской и сельской местности. Приведём данные четырёх ассоциативных полей, отражающих часть эксперимента на примере стимулов: **зелёный сад, чисто поле, дремучий лес, синее море**, которые сопровождались однословными и сверхсловными реакциями (их частота отмечена цифрой). На основе тематического содержания вербальных реакций из современной речи были выявлены типы концептуальных дескрипторов.

Ассоциативное поле № 1. Номинационный стимул **зелёный сад** (36 реакций). Яблоко (и) – 9; урожай – 1; яблоня с плодами – 2; фруктовый сад – 1 – *‘завершённость вегетационного цикла вида дерева’*. Белый – 1; зелень – 1; цветущий – 1; цветы желтые – 1; яблони в цвету – 1 – *‘вегетационный цикл в процессе (признак по цвету)’*. Весна – 3; лето – 1; молодость – 1 – *‘время сезонное, персональное’*. Красиво – 3; красивый и прекрасный – 1; сказочный сад – 1 – *‘положительная оценочность освоенного пространства’*. Природа – 1; парк – 1; дом – 1; калитка – 1 – *‘пространство освоенное (внешнее); жильё; предел-пограничье’*. Покой – 1 – *‘состояние’*.

Ассоциативное поле № 2. Номинационный стимул **чисто поле** (34 реакции). Простор – 8; свобода – 1; широкое – 1 – *‘масштаб (большой), его восприятие’*. Пространство – 1; долина – 1; степь – 1; деревня – 2 – *‘пространство, его открытость, закрытость’*. Ковыль – 1; перекасти-поле – 1; трава – 1; цветы – 1 – *‘флора: невозделываемые культуры’*. Пшеница – 3; рожь – 1 – *‘флора: возделываемые культуры’*. Вспаханное поле – 1; всё убрано – 1; пусто – 1 – *‘состояние освоенного пространства’*. Красота – 1; золото – 1 – *‘положительное оценочное восприятие’*. Осень – 1; зима – 1 – *‘время года’*. Богатырь –

1; песня – 1 – ‘человек, его проявление’. Колосистое – 1 – ‘признак вегетационного цикла возделываемой культуры’. Зерноуборочная – 1 – ‘время хозяйственной деятельности’.

Ассоциативное поле № 3. Номинационный стимул **дремучий лес** (38 реакций). Темнота – 5; тьма – 3; темно – 1; тёмный лес – 2; тёмный коридор – 1 – ‘отсутствие света’. Страх – 4; страшно – 4 – ‘эмоциональное состояние’. Чаща – 3; чашоба – 1; дебри – 1; тайга – 1; густота – 1 – ‘заросшее пространство’. Непролазный – 1; опасный – 1; девственный лес – 1 – ‘неосвоенное пространство’. Грибы – 1 – ‘флора’. Сказка – 3 – ‘фольклорный жанр’. Сказочный лес – 1 – ‘условно реальное пространство’. Волк – 1; кот учёный всё ходит по цепи кругом – 1 – ‘животное, его признак, действие’. Избушка на курьих ножках – 1 – ‘строение’.

Ассоциативное поле № 4. Номинационный стимул **сине море** (34 реакции). Отдых – 6; спокойствие – 2; отдых души – 1 – ‘состояние человека’. Волна (ы) – 6 – ‘рельеф водной поверхности’. Простор – 1; бескрайность – 1; бескрайнее – 1; дальнейе расстояние – 1 – ‘большой масштаб’. Глубокое – 2 – ‘параметрический признак’. Лазурь – 1; голубая даль – 1 – ‘цвет водной поверхности’. Парусник – 1; парус – 1 – ‘судно, его атрибут’. Айвазовский – 1; старик со старухой – 1 – ‘человек’. Юг – 1 – ‘сторона света’. Солнце – 1 – ‘источник света’. Горизонт – 1 – ‘видимая граница неба и водной поверхности’. Курорт – 1 – ‘место отдыха’. Океан, чайки – 1 – ‘вид водоёма, его обитатели’. Пушкинская сказка о золотой рыбке – 1 – ‘индивидуально-авторский текст’.

Исследовательский комментарий

Прокомментируем полученные результаты. 1. Выскажем прежде свои суждения относительно номинаций-стимулов с точки зрения их функционального статуса в фольклорном тексте (А. 1) и в плане их значимости как стимулов для проявления ассоциативных реакций носителями современного языка (Б. 1 – 5).

А. 1. В фольклорном тексте данные «ландшафтные» номинации, как и другие вербальные единицы, следует воспринимать в качестве не просто языковых знаков тех или иных категорий бытия. Эффект плотной связанности композиции и сюжета устно-поэтического текста и лаконичность его жанровых объемов, заданных традицией, обуславливают объективацию признаков фольклорных концептов посредством словарной системы, двоякой по своему характеру. С одной стороны, это лексическая система, состоящая из отдельных слов (словарь монолексем). С другой стороны, это система текста, состоящая из текстовых отрезков (словесных комплексов в своих разновидностях), которые по объему больше, чем слово. Но особо подчеркнём, что фольклорное слово наделено отличительным свойством – тяготением к блоковости. В словаре фольклорного текста стремление отдельного слова к блоковости выступает, прежде всего, как свойство номинативное и одновременно репрезентирующее содержание концепта. При этом в плане номинирования природу блоковости можно квалифицировать как сигнал к переходу от малодостаточности лексического способа номинирования к необходимому дополнению текстовыми номинантами, являющимися уже единицами синтаксического способа номинирования. Словесные комплексы как факты внутренних номинационных ресурсов словаря текста также свидетельствуют о поэтапности и динамике «языкового освоения» окружающего мира, а в связи с этим о соответствующих способах маркирования его реалий. Ограниченность во времени лексического способа номинирования в процессе адаптационной деятельности человека на определённом этапе стала дополняться, прежде всего, номинационными возможностями именно атрибутивных сочетаний в своих разновидностях. Считаем, что в пределах фольклорного текстового (синтаксического) способа номинирования наиболее продуктивным предстает атрибутивный способ. В языке фольклора бинарные номинанты типа «прилаг. + сущ.» преобладают по количеству и частотности употребления. Богатейший пласт атрибутивных сочетаний, в число которых входят «пространственные» номинации-стимулы, вербально фиксирует в определённом семантическом объеме степень познания пространства с избирательным выделением ценностно значимых признаков. Каждый из выделенных признаков на стадии поэтического мышления древним человеком воспринимался как символический, метафорический. Эта стадия мышления, полагаем, особенно наглядно запечатлена в содержании фольклорных номинант **зелёный сад, чисто поле, дремучий лес, сине море**, которые в своём тематическом объединении уже

предстают языковыми средствами, маркирующими фольклорный тип пространственной зоны – ландшафтный. В модели фольклорного пространства значимой является точка центра, в пределах которого находится человек и предпринимает действия в освоении внешнего и своего, внутреннего мира. Последовательность бинарных сочетаний в данном тематическом ряду является средством объективации радиальной дискретности пространства от центра по горизонтали в фольклорном образе мира. Пространственная дискретность общежанрово репрезентирована сквозь призму ведущей бинарной оппозиции «свой – чужой», корреляты которой многомерны по смыслу. **Зелёный сад** – это ‘своё пространство – познанное, освоенное, неопасное, закрытое, terra culta’. **Чисто поле** – ‘не своё пространство, больше чужое, еще не познанное, осваиваемое, открытое (ещё не terra culta)’. **Дремучий лес** – ‘чужое пространство, непознанное, опасное, terra inculta’. **Сине море** – ‘пограничье по горизонтали между своим и чужим, познанным и непознанным, опасным и неопасным, освоенным и неосвоенным’ также значимая зона в концептуализации фольклорного пространства.

Б. 1. Что же касается значимости фольклорных номинаций как стимулов, то она обусловлена их высокой частотностью в качестве ключевых единиц в различных жанрах. В связи с этим они известны для широкого круга носителей современного русского языка, что, в свою очередь, объясняет частоту совпадений ассоциатов-реакций у большинства респондентов;

2. Классификационно-систематизационный анализ тематических и лексико-семантических объединений вербальных реакций как фактов репрезентативного опыта в памяти человека позволяет выявить концептуальные дескрипторы – элементы этнического образа мира, отображенного «в сознании носителей данной культуры и проявленного в системе мотивов, оценок и культурных стереотипов» [6, с. 140]. Приведём примеры концептуальных дескрипторов, которые сквозь время «перекликаются» с особенностями древнего мировосприятия. В языке фольклора членение ландшафтного пространства вербально объективировано, прежде всего, с позиции зрительного восприятия интенсивности, насыщенности «свето-цветового спектра». См. компоненты **зелёный, чистый, дремучий, синий**, объединенные на основе «колоративного» семантического регистра. Для сопоставления обратимся к современным ассоциативным реакциям, эксплицитно и имплицитно репрезентирующим также «свето-цветовой» концептуальный «спектр». **Зелёный сад** – белый; зелень; цветущий; цветы жёлтые; яблони в цвету (*‘вегетационный цикл в процессе: признак по цвету’*). **Чисто поле** – трава; цветы (*‘флора: невозделываемые культуры’*); золото (*‘позитивное оценочное восприятие’*). **Дремучий лес** – темнота; тьма; темно; тёмный лес (*‘отсутствие света’*). **Сине море** – лазурь; голубая даль (*‘цвет водной поверхности’*);

3. Лингвокогнитивное наблюдение над вербальными реакциями показывает, что возникающие ассоциации отражают органическую связь традиционно устоявшихся коллективных восприятий категорий бытия (что подтверждается количеством совпадений при реагировании) с индивидуальными реакциями, образующими периферию в ассоциативных полях. Сопоставим концептуальные признаки, маркированные бинарной номинацией **зелёный сад** в качестве текстовой единицы, с содержанием концептуальных дескрипторов как смысловых «сгустков», выявляемых сквозь призму современных ассоциаций, вызванных данной реалией в статусе стимула. Общежанровая языковая единица **зелёный сад** – знак освоенного пространства, бывшего когда-то в пределах дремучего леса. В фольклорных сюжетах, в которых активна ключевая номинация **зелёный сад**, повествуется о мирных ситуациях: встречах, знакомствах, обещающих новые повороты в судьбе человека (преимущественно женщины): Тема сватовства открывается фольклорными строками: *Посажу я тебя во зелёный сад, / Во зелёный сад, под яблоню* (1, (1), с. 222). Признаковость символического обозначения невесты по ее месту нахождения оформляется синтаксическим окружением, образованным от сочетания **зелёный сад**. *Ой, да ты, рябина, да ты, рябинушка. / Ой, да ты садова зелена прикудрявая* (о девушке) (1, (1), с. 198). **Зелёный сад со вишеньем. Виноград с орешеньем** (о приданом невесты) (1, (2), с. 221). *Есть у ты молода племница... / У ней как есть в зелёных садах / Дубыца – вязьё повыращенное, / Позволь-ка мне...повырубити...* (2, (33), с. 460). Вегетационной зрелости дерева подобен и человек: см. строчки: *...позволь-ка*

мне...повырубити..., т. е. взять в жёны. Ср. с содержанием поговорки, бытующей в современной речи: «**По себе дерево срубил**», – так заявляет мужчина о своём удачном выборе жены, с которой прожил уже немало лет. В фольклорном тексте ключевая номинация **зелёный сад**, синтаксическое окружение с «фитонимическими» компонентами образуют вербальный комплекс как фольклорный способ маркирования ряда концептуальных признаков: ‘освоенность пространства и осознание его как *terra culta* в мире природы’; ‘значимость фитонимического локуса – дерева, вегетационным циклам которого изоморфны проявления человека: физический, возрастной расцвет, переживаемый положительный эмоционально-оценочный опыт на новом этапе жизненного пути’. Ср. с концептуальными дескрипторами, актуализированными вербальными реакциями на стимул **зелёный сад**: ‘завершённость вегетационного цикла дерева’ – яблоко (и); урожай; яблоня с плодами; фруктовый сад; ‘положительная оценочность освоенного пространства’ – красиво; красивый и прекрасный; сказочный сад; ‘пространство освоенное (внешнее); жильё; предел-пограничье’ – природа; парк; дом; калитка; ‘состояние’ – покой. Сопоставление контекстной реализации концептуальных признаков с содержанием ассоциативного поля показывает, что и в текстовых, и в ассоциативных репрезентациях ландшафтный фрагмент пространства – зелёный сад в коллективном сознании более всего воспринимается через гармонию физических и эмоциональных информативных каналов;

4. Полученные ассоциативные данные позволяют также проследить некоторые изменения в осмыслении предназначенности выделяемого фрагмента пространства. Так, на стимул **сине море** в современных ассоциациях проявляется информация о водном пространстве, не являющимся дальним пограничьем между своим и чужим миром, как это традиционно объективируется в языке фольклора: *Отдала меня матушка замуж далеко, / Коль далеко, далеко, – за сине море. / Провожала меня матушка до сина моря*. В современных ассоциациях **сине (синее) море** является знаком зоны окультуренного пространства. См. концептуальный дескриптор ‘состояние человека’, выявленный из содержания тематически частотных ассоциатов-реакций: отдых – 6, отдых души – 1, спокойствие – 1;

5. Наконец, остановимся на комплексе индивидуальных реакций, которые показывают, что фольклорные тексты присутствуют в традиционной памяти носителей родного языка с ранних лет и в речевом поведении «всплывают» в виде однословных, сверхсловных репрезентаций: **зелёный сад** – сказочный сад; **чисто поле** – богатырь; **дремучий лес** – сказка; сказочный лес; избушка на курьих ножках. В ряду сверхсловных реакций примечательны блоки, ассоциативно связанные с творчеством А. С. Пушкина: **дремучий лес** – кот учёный все ходит по цепи кругом; **сине море** – пушкинская сказка о золотой рыбке. Данные факты свидетельствуют об объеме фоновых знаний языковой личности, а также о том, что человек обитает в мире фольклорных и индивидуально-авторских текстов, жанрово перетекающих один в другой, которые прецедентно воспроизводятся в виде ассоциативных блоков.

Заключение

Наши наблюдения над фрагментом фольклорных реалий «пространственного» типа в ходе ассоциативного эксперимента, полагаем, позволили наглядно проиллюстрировать следующее. При лингвокогнитивном изучении языка фольклора эмпирические ресурсы образуют ряд сопоставляемых комплексов языковых фактов, в числе которых весьма значимы сведения ассоциативного эксперимента. При его проведении с опорой на фольклорные номинации как стимулы важен ряд рабочих положений: учет динамической координации во времени понятий фольклорный язык – нефольклорный язык; обусловленность характера вербального реагирования языковой личности и др., которые весьма обязательны для мотивировки сопоставления содержания ассоциатов-реакций, концептуальных дескрипторов с функционально-семантическим поведением анализируемых номинаций в фольклорном тексте. Факты языка фольклора в сопоставлении с вербальными реакциями из современной речи представляют надежную эмпирическую базу, позволяющую объективно судить о степени и глубине народной памяти и знаний, отражающих нюансы и специфику этнокультурных стереотипов в современном восприятии базовой категории бытия.

Список литературы

1. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 268 с.
2. Сикевич, З. В. Национальное самосознание русских / З. В. Сикевич. – М.: Механик, 1996. – 208 с.
3. Прош, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Прош. – Л.: ЛГУ, 1986. – 364 с.
4. Осовецкий, И. А. О языке русского традиционного фольклора / И.А. Осовецкий // Вопросы языкознания. – М., 1975. – № 5. – С. 66 – 77.
5. Толстой, Н. И. Язык – литература – культура – национальное самосознание / Н.И. Толстой // Вестник Московского университета. – М., 1995. – № 3. – Серия 9. Филология. – С. 140 – 163.
6. Уфимцева, Н. В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии / Н. В. Уфимцева // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2 (28). – С. 129 – 132.

**CONCEPT “SPACE” AS OBJECT OF MODERN KNOWLEDGE IN MAPPING
WITH DATE OF LANGUAGE FOLKLORE****T. S. Sokolova*****Belgorod National
Research University******e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru***

The article deals with the comparative aspect of folklore set of nominations with the semantics of the "spatial" verbal responses as information associative experiment. The contents of the associative fields shows that folklore verbal code is traditional ethnocultural component of modern knowledge apriori category of being.

Keywords: folklore nomination, verbal reaction, associative experiment, ethnocultural information.